

Однако Сяо Чжигэ волновало совсем не это. Он прикрыл глаза, медленно и тяжело выдохнул и лишь затем спросил:

— Если ванфэй придет время рожать, ему тоже придется разрезать живот, чтобы извлечь дитя?

Ху Шифэй замешкался лишь на мгновение, после чего ответил правду:

— Да. Мужчины устроены иначе, чем женщины. Женщины от природы наделены детородными органами, а у мужчин их нет.

На самом деле, если предания племени цзяожэнь правдивы и все обладатели красных узоров, независимо от пола, способны приносить потомство, то в теле людей с такими узорами должна присутствовать иная система органов. Однако позже, осмотрев Юй Сяо, лекарь обнаружил, что тот ничем не отличается от обычного юноши.

Теперь же, сопоставив это с записями из рукописи, Ху Шифэй лишь больше убедился в своей догадке: либо в сведениях о племени цзяожэнь кроется ошибка, либо за многие века смешанных браков с чужаками родовые черты цзяожэней постепенно выродились и угасли.

Ведь, судя по всему, родная мать Ань Чанцина, госпожа Юй, тоже была связана с племенем цзяожэнь. Однако у нее не было красных меток, и она родила сына и дочь, совершенно не проявляя никаких признаков принадлежности к цзяожэням. С ее младшей дочерью, Ань Сяньюй, дело обстояло точно так же.

Ху Шифэй предположил, что подобная аномалия проявляется не всегда, а вероятность изменений у мужчин значительно выше.

Выслушав его, Сяо Чжигэ мрачно нахмурился. После долгого молчания он глухо спросил:

— А если... не сохранять этого ребенка? Можно ли избавиться от него?

От этих слов все обомлели. Ань Чанцин воспротивился первым и, нахмурившись, взглянул на него:

— Князь?

Но Сяо Чжигэ на этот раз не уступил ему. С темным от беспокойства лицом он произнес:

— Разрезать живот ради извлечения ребенка слишком опасно. Если случится беда... я лучше вовсе откажусь от этого дитя!

Ань Чанцин смолк, не зная, что ответить. Он мечтал дожить с Сяо Чжигэ до седины, но и с только что явившимся в этот мир дитя расстаться не мог. За эти дни он уже свыкся со своей беременностью и полюбил малыша — как же теперь вырвать его из собственного тела?

— Возможно, есть иной способ... — тихо прошептал Ань Чанцин. — Я не хочу отказываться от него.

Сяо Чжигэ впервые заговорил с ним так резко. Крепко сжав его плечи, он произнес тоном, не терпящим возражений:

— Если тебе так хочется детей, мы можем усыновить или взять воспитанников — сколько захочешь. Но я не позволю тебе рисковать жизнью! — Он пристально посмотрел на Ань Чанцина, и его голос сорвался: — Без ребенка я проживу, но без тебя — нет.

Испытав счастье быть вместе, он не смог бы пережить утрату. Одна лишь мысль об этом обжигала сердце нестерпимой болью.

Ань Чанцин лишился дара речи. Рука его невольно опустилась на живот, а в глазах застыло сомнение.

Увидев это, Чжоу Хэлань не выдержал и заступился:

— Тот больной был куда слабее ванфэй, но выкарабкался!

Сяо Чжигэ твердо качнул головой:

— Я не стану рисковать.

Ань Чанцин был дороже ему собственной жизни — как он мог подвергнуть его такой опасности?

Все погрузились в молчание, и лишь лекарь Ху в конце концов подал голос, пытаясь разрядить обстановку:

— В действительности это не так уж опасно. Ванфэй от природы здоров и полон сил. Разрез живота, конечно, причинит мучения, но у меня есть по меньшей мере восемь шансов из десяти на успех.

— А вот что касается избавления от плода... — Лекарь Ху покачал головой. — Тут у меня уверенности нет. Снадобья для женщин могут не подойти ванфэй, и их неразумное применение лишь навредит.

Слыша это, Ань Чанцин облегченно вздохнул. Поджав губы, он сжал холодную ладонь Сяо Чжигэ. Взгляд его смягчился, и он обратился к лекарю Ху и Чжоу Хэланю:

— Мне нужно кое-что сказать князю. Идите отдохните.

Ху Шифэй и Чжоу Хэлань поклонились и вышли, заботливо прикрыв за собой дверь кабинета.

Однако Ань Чанцин не намеревался оставаться в кабинете. Он слегка потянул Сяо Чжигэ за руку и со слабой улыбкой попросил:

— Я немного устал. Князь, понесешь меня в спальню на спине?

Сяо Чжигэ не обронил ни слова, сохраняя мрачное выражение лица, но под его умоляющим взглядом все же присел, позволяя устроиться у себя на спине.

Ань Чанцин обвил руками его шею, прижался грудью к широкой спине и уперся подбородком в плечо. Оба молчали. Мужчина уверенно поднялся и ровным шагом направился к покоям.

\*Авторское примечание:\*

\*Трусишка: «Но-но опять пытается кокетничать и умаслить меня. Нашел дурака, меня так просто не проведешь!»\*

\*Но-но: «Ой ли?»\*

Слуг в поместье генерала было немного, да и тех Ань Чанцин нанял лишь после прибытия в

Яньчжоу. Пройдя полпути, они почти никого не встретили, но если бы кто-то и попался навстречу, это ничуть их не смутило бы. Дорога от кабинета до главных покоев вела через крытую галерею и небольшой сад; попадавшиеся на пути слуги тут же склоняли головы, опускали глаза и не смели бросить даже беглого взгляда.

Прижимаясь к широкой спине мужчины, Ань Чанцин щекой ощущал пульсацию жилки на его шее — размеренную и сильную, под стать самому Сяо Чжигэ. Ань Чанцин чуть повернул голову, и его длинные ресницы скользнули по чувствительной коже, щекоча словно перышко. Сяо Чжигэ не успел и слова вымолвить, как ощутил теплый, чуть влажный поцелуй у себя на шее.

Дыхание мужчины перехватило, он даже оступился, но, восстановив равновесие, строго произнес:

— Не балуйся.

Хотя тон звучал строго, в нем не чувствовалось злости, лишь скулы его слегка напряглись.

Ань Чанцин лишь лукаво улыбнулся — он ни капли не боялся. Напротив, он еще крепче обнял его за шею и ласково потерся носом о шелковистую кожу. Это прикосновение и ощущение бьющегося пульса дарили непередаваемое чувство умиротворения.

Сяо Чжигэ обеими руками придерживал его под бедра, отчего не мог помешать этой шалости, и ему оставалось лишь терпеть. Лишь на висках и шее проступили синеватые жилки от напряжения — перед Ань Чанцином вся его сила воли всегда испарялась без следа.

Короткая дорога, казалось, растянулась до бесконечности.

Знающий меру Ань Чанцин, заметив, насколько сильно сжалась челюсть мужчины, наконец уgomонился. Склонив голову к самому его уху, он прошептал — ухо Сяо Чжигэ дернулось и слегка покраснело.

Ань Чанцин прищурил глаза от улыбки и тихо выдохнул:

— Не бойся, мне тоже жаль умирать.

Сяо Чжигэ резко остановился. На этот раз он действительно рассердился и строго оборвал:

— Не смей говорить глупости.

Ань Чанцин улыбнулся и попросил опустить его на землю. Они как раз проходили мимо сада в переднем дворе. Из галереи открывался живописный вид, вокруг царила тишина, нарушаемая лишь редким щебетом птиц.

Вдоль деревянного ограждения галереи стояли скамьи. Сяо Чжигэ осторожно протер одну из них подолом халата и лишь затем помог Ань Чанцину сесть.

Ань Чанцин поднял на него взгляд. В глазах мужчины все еще таилась досада, а густые брови сдвинулись к переносице, образуя глубокие складки. И все же, несмотря на сердитый вид, он так заботливо вытирал скамью... Хотя слуги протирали ее каждый день, и никакой пыли там не было и в помине — это было лишь проявлением его безграничной нежности.

Этот человек всегда был таким: во всем, что касалось Ань Чанцина, он проявлял свою тихую,

глубокую заботу.

Ань Чанцин внезапно отчетливо понял, о чем думает Сяо Чжигэ.

Однажды они дали клятву хранить верность друг другу и разделить одну жизнь и одну смерть. Сяо Чжигэ ни на миг не отступал от обещанного, тогда как сам Ань Чанцин из-за неожиданно появившегося в чреве ребенка стал жадным.

Изначально предполагалось, что они будут только вдвоем, неразлучные ни в жизни, ни в смерти. Но ради дитя он готов был рисковать, совсем не подумав о том, каково придется Сяо Чжигэ, если он останется один.

Взирая на молчаливое лицо мужчины, Ань Чанцин принял окончательное решение. Взгляд его прояснился, он поднялся со скамьи, сам взял Сяо Чжигэ за руку и тихо произнес:

— Я не забыл желание, которое мы загадали в ночь Праздника фонарей.

Ань Чанцин пристально посмотрел ему в глаза. В зрачках Сяо Чжигэ отражались яркое солнце, синее небо над садом и его собственный крошечный силуэт. Убрав улыбку, Ань Чанцин с полной серьезностью произнес слово за словом:

— Мне очень трудно отказаться от этого ребенка. Но я обещаю тебе: если лекарь Ху не сможет гарантировать безопасность родов, мы не станем его сохранять. Я ни за что не буду рисковать собственной жизнью. Поверь мне, хорошо?

Сяо Чжигэ смотрел на него, ком катился в его горле. Лишь спустя долгое время он прижал его к себе и сипло ответил:

— Хорошо. Я верю тебе.

Ань Чанцин обнял его за талию в ответ и уткнулся лицом ему в грудь, тайком улыбнувшись.

<http://bllate.org/book/18381/1767839>